
Алексей Панфилов
Соляной горизонт. «Наряд»

Алексей Панфилов

Соляной горизонт. «Наряд»

«Автор»
2026

Панфилов А.

Соляной горизонт. «Наряд» / А. Панфилов — «Автор», 2026

Мир — это шахта. Здесь живут по паям: воздух, вода, свет. Чего нет в артельной книге — того не существует вовсе. Тридцать лет в книге написано, что четвёртый горизонт затоплен. Но маркшейдер Илья Ветров находит за старой перемычкой сухой штрек, свежую крепь и окурок, который ещё дымится.За перемычкой — ствол, ведущий на поверхность, и пятнадцать человек, которые сорок лет живут наверху и тайно торгуют с шахтой. Среди них его дед, которого артель считает погибшим. Ветров хочет открыть правду. Только правда — это не только родство, огороды и свежий хлеб. Это ещё седьмой горизонт, куда не доходят вычеркнутые, и бирки с именами, которых никто никогда не считал.Чтобы сказать артели правду, придётся выбрать: вписать в книгу тех, кого стёрли, — или самому оказаться за её пределами. Роман о совести, которую завели в журнал: слово можно вычеркнуть чернилами, а цену человека не запишешь ни в один протокол.

© Панфилов А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Плановая съёмка 5
Глава 2. Форма 12-Б 6
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Алексей Панфилов
Соляной горизонт. «Наряд»

Глава 1. Плановая съёмка

Четвёртый горизонт пах не так, как остальные. Нижние пахли угольной пылью и мокрым бетоном. Третий — хлоркой из лазарета и машинным маслом из мастерских. А четвёртый пах **солью**. Не той, что в столовой, а другой — сухой, древней, будто море, которое высохло задолго до того, как сюда пришли люди.

Илья Ветров шёл по штреку, освещая дорогу налобным фонарём. За ним, чуть отставая, шла Ася Ковалёва — ученица, девятнадцать лет, каска на два размера больше, чем нужно, и упрямство на три размера больше, чем каска.

— Двенадцатый пикет, — сказала Ася, сверяясь с планшетом. — Дальше по плану — затопление.

— По плану, — согласился Ветров. — А в натуре?

Ася остановилась. Впереди штрек уходил вниз, и оттуда тянуло холодом. Сухим холодом.

— В натуре сухо, — сказала она.

Ветров присел, провёл пальцем по крепи. Дерево было старым, но не гнилым. Соль консервировала. Он достал рулетку, замерил сечение, записал в блокнот. Потом посветил вглубь.

— Видишь?

Ася посветила. Метрах в двадцати штрек упирался в бетонную перемычку. На перемычке, прямо по центру, был выбит знак: треугольник с точкой внутри.

— Маркшейдерский, — сказала Ася. — Но его нет на плане.

— И перемычки нет.

Ветров подошёл ближе. Знак был старым, но чётким. Он провёл пальцем по треугольнику, потом по точке. Точка была не краской. Это была **металлическая шляпка**— вбитый в бетон костыль. Ветров нажал на него. Что-то щёлкнуло.

— Илья Андреевич, — тихо сказала Ася. — Может, не надо?

Ветров не ответил. Он нажал ещё раз. Бетонная перемычка дрогнула и **отъехала в сторону**— медленно, с сухим скрежетом, как будто её не открывали лет сорок. За ней был ещё один штрек. Сухой. Свежая крепь. И — запах.

Не соли. Не пыли. **Дыма.**

— Кто-то здесь был, — сказала Ася.

Ветров посветил вглубь. На полу, у самой перемычки, лежал окурок. Он был **свежим**. Бумага не пожелтела, табак не размок.

— Кто-то здесь **есть**, — сказал Ветров.

Вечером в маркшейдерской камере Ветров разложил план на столе. Ася сидела напротив, подперев голову руками.

— На плане семьдесят девятого года перемычка есть. На плане восемьдесят третьего — тоже. А в натуре за ней — штрек, которого нет ни на одном плане.

— Значит, план врёт, — сказала Ася.

— План не врёт. План **неполный**.

Он достал из ящика старую перфокарту — расходную книгу за семьдесят девятый год. В графе «четвёртый горизонт» стояло: «затоплено, выработка прекращена». Подпись — Книжник.

— Ася, — сказал Ветров. — Ты когда-нибудь видела, чтобы вода пахла дымом?

Она не ответила. За окном, в коридоре, щёлкнуло табло: ПОВЕРКА: 17 дн..

Глава 2. Форма 12-Б

Утро в шахте начиналось не с рассвета, а с вентиляции. В шесть ноль-ноль в трубах по всему горизонту что-то ухало — глубоко, протяжно, как будто просыпался зверь, — и по штрекам прокатывалась волна свежего воздуха. Счётчики на табло сбрасывались и начинали считать заново. Никто не знал, откуда берётся воздух. Знали только, что он есть, и что за него платят.

Ветров проснулся за десять минут до гудка. Окурок он нёс в кармане, завернув в чистый лист из блокнота. Это была улика, и он не знал, кому её показывать.

Первым делом он пошёл к Пахомову — бригадиру вентиляции. Так было правильно: снизу вверх, по инстанции. Каморка Пахомова была на третьем горизонте, рядом с вентиляционным узлом. За дверью гудело так, что дребезжала ручка. На стене висел плакат: «Воздух — общий. Пай — личный».

Пахомов сидел за столом, на котором лежали три предмета: кружка с остывшим чаем, логарифмическая линейка и телефон с вертушкой. Он снял наушники — большие, серые, с толстым проводом, — и посмотрел на Ветрова.

— Слушаю.

— Григорий Матвеевич. Четвёртый горизонт, двенадцатый пикет. За перемычкой семьдесят девятого года — сухой штрек. Свежая крепь. Следы.

Пахомов посмотрел на план. Потом на перфокарту. Потом на Ветрова.

— За перемычкой **затоплено**.

— На плане — затоплено. В натуре — сухо. Я делал замеры вчера. Влажность — двадцать три процента. Для затопленного штрека это невозможно.

— В натуре, — повторил Пахомов с удовольствием, будто попробовал слово на вкус. — Ты в натуре был в штреке, куда ходить запрещено приказом артели от семьдесят девятого года.

— Приказ семьдесят девятого отменён приказом восемьдесят третьего.

— Отменён, — согласился Пахомов. — А допуск на него оформляется по форме 12-Б. А 12-Б я не подписываю.

— Почему?

— Потому что не положено.

Ветров достал окурок. Развернул. Пахомов посмотрел на него. Долго. Потом отставил кружку.

— Илья, — сказал он наконец. — Ты маркшейдер. Хороший. Я тебя сам в бригаду брал, когда ты после училища пришёл. Помнишь?

— Помню.

— Я тебя взял, потому что у тебя глаз острый. Ты видишь то, чего другие не видят. Это хорошо. — Пахомов подался вперёд. — Но есть вещи, которые **не надо** видеть. Понимаешь?

— Нет.

— Понимаешь, — сказал Пахомов. — Просто не хочешь. — Он взял окурок, завернул обратно в бумагу и **положил в карман**. — Я его выброшу. А ты забудешь. И мы оба будем спать спокойно.

— А если я не забуду?

Пахомов вздохнул. Не зло — устало.

— Тогда тебе придётся оформить 12-Б. А я её не подпишу. И ты полезешь без допуска. И снимут с тебя пай. А у тебя сестра в лазарете. Ей пай нужен. — Он помолчал. — Подумай, Илья. Просто подумай.

Ветров взял план и перфокарту. Пошёл к двери.

— Григорий Матвеевич, — сказал он, не оборачиваясь. — А почему вы окурок в карман положили, а не в печку?

Пахомов не ответил. За дверью гудела вентиляция.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.